

ЭРИН ДУМ

ТВОРЕЦ
СЛЕЗ

**LIKE
BOOK**

МОСКВА
2024

УДК 821.131.1-312.9
ББК 84(4Ита)-44
Д82

Erin Doom
Fabbicante di lacrime

Copyright © 2021 Adriano Salani Editore s.u.r.l., Milano
Published by arrangement with ELKOST International literary agency
Cover design by Alessia Casali (AC Graphics)

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:

© Sovenko Artem / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Перевод с итальянского *К. Жолудевой*

Художественное оформление *Д. Васильченко*

Дум, Эрин.
Д82 Творец слез / Эрин Дум ; [перевод с итальянского К. Жолудевой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 544 с.

ISBN 978-5-04-185014-2

В сиротском приюте, где росла Ника, часто рассказывали истории. Самой излюбленной была о Творце слез, человеке со светлыми, как стекло, глазами. Он выполнял просьбы людей и заставлял их плакать.

В семнадцать лет Ника наконец обретет настоящую семью, о которой всегда мечтала. Ее сводным братом станет еще один сирота: Ригель, парень с ангельским лицом и чистым невинным взглядом.

Только Ника знает, что на самом деле он вовсе не такой милый и добрый, каким кажется. В его сердце царят тьма и зло. Жизнь с ним под одной крышей — сущий кошмар. Но Ника готова побороться за свою мечту, даже если ей придется столкнуться с явившимся из легенд таинственным и опасным Творцом слез.

УДК 821.131.1-312.9
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-04-185014-2

© Жолудева К., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

*Тем, кто с самого начала
поверил в эту историю*

ПРОЛОГ

По вечерам в Склепе нас развлекали разными историями. Рассказывали нам при свечах вкрадчивым шепотом сказки и легенды. Самой излюбленной была о Творце Слез.

В ней говорилось о далеком затерянном во времени селе-нии... Жители этого местечка не умели плакать и жили с пу-стотой в душе, не испытывая никаких чувств. Таясь ото всех, замкнувшись в бесконечном одиночестве, жил там малень-кий загадочный человечек, бледный и сгорбленный. Из ясных, как стекло, глаз нелюдимого ремесленника текли хрустальные слезы.

К нему приходили односельчане и просили дать им возмож-ность поплакать, испытать хоть самую малость чувств, ведь в сле-зах, как считали они, таятся любовь и сострадание, а эти сокровен-ные переживания души в большей мере, чем радость или счастье, позволяют почувствовать себя человеком.

И ремесленник вливал в их глаза свои слезы вместе со всем, что в них было, и те принимались плакать от злости, отчаяния, скорби и тоски.

Слезы лились от болезненных переживаний, потому что кустарь вносил смуту в чистые души, осквернял их пронзительными и му-чительными чувствами.

«Помните, нельзя обманывать Творца Слез», — говорили вос-питательницы в конце.

Нам рассказывали эту легенду, чтобы внушить, что каждый ре-бенок может быть хорошим, что он *должен быть* умницей, ибо

никто не рождается плохим, мол, по природе своей человек не плох.

А я... я думала по-другому. Для меня это была не только легенда.

Он не был загадочным. Не был маленьким, бледным, сгорбленным человечком со светлыми, как стекло, глазами.

Я лично знала Творца Слез.

ГЛАВА 1

НОВЫЙ ДОМ

Облаченная в боль, она оставалась самым прекрасным созданием на земле.

— Тебя хотят удочерить.

Не думала, что когда-нибудь все-таки услышу эти слова.

Я мечтала об этом с детства и теперь на мгновение даже засомневалась: может, я заснула и мне снится сон? Снова тот же самый.

Однако этот голос звучал наяву — грубый тон госпожи Фридж, приправленный досадливыми нотками, которых она для нас никогда не жалела.

— Меня? — едва слышно недоверчиво спросила я.

Она взглянула на меня, скривив верхнюю губу.

— Тебя.

— Вы уверены?

Миссис Фридж стиснула перьевую ручку толстыми пальцами и посмотрела на меня так, что я невольно вжала голову в плечи.

— Ты оглохла? — рявкнула она. — Или, может, думаешь, что я оглохла? Долго гуляла, и теперь у тебя ветер в ушах свистит?

Я помотала головой, от изумления вытаращив на нее глаза. Это невозможно. Совершенно неправдоподобно!

Кому нужны взрослые дети? Никому, никогда, ни по какой причине... Проверенный факт! Сиротский приют в этом смысле похож на собачий питомник: все хотят щенков, хорошеньких и беззащитных, подходящих для дрессировки; никто не хочет брать собак, проживших в приюте много лет.

Горькая правда, которую мне нелегко принять, ведь я выросла в этих стенах.

Пока ты маленький, на тебя хотя бы смотрят. Но по мере того как ты растешь, брошенные на тебя взгляды все чаще случайные, а жалость, которую ты читаешь в них, пригвождает тебя к этому месту навсегда.

Но сейчас другое дело... *Сейчас...*

— Миссис Миллиган хочет немного пообщаться с тобой. Она ждет внизу. Проведи ее по нашему учреждению и смотри не испортить все. Будь посерьезнее и, если тебе чуть-чуть повезет, сможешь уйти отсюда.

Когда я спускалась по лестнице, перед глазами у меня плыло, и, чувствуя, как подол моего лучшего платья скользит по коленям, я спрашивала себя, не является ли происходящее одной из моих бесконечных фантазий.

Это явно сон! У подножия лестницы меня ждала женщина средних лет с добрым лицом, в руках она держала пальто.

— Привет, — сказала женщина с улыбкой. Она глядела мне прямо в глаза, а так на меня уже давно никто не смотрел.

— Доброе утро, — выдохнула я тонким голосом.

Женщина сказала, что видела меня в саду, когда вошла в кованые ворота, — я стояла в высокой траве в лучах солнца, просачивающихся сквозь деревья.

— Меня зовут Анна, — представилась она бархатным голосом, и мы вместе пошли по коридору. Я зачарованно смотрела на нее. Интересно, спрашивала я себя, возможно ли влюбиться в звук чужого голоса.

— А тебя как зовут?

— Ника, — ответила я, еле сдерживая дрожь в голосе, потому что ужасно волновалась. — Меня зовут Ника.

Анна взглянула на меня с любопытством, а я даже не смотрела, куда ставлю ноги, так мне хотелось поймать ее взгляд.

— У тебя очень редкое имя. Никогда раньше его не слышала.

— Да... — Я застеснялась, и глаза у меня тревожно забегали. — Меня так называли родители. Они... были биологами. Ника — название какой-то бабочки.

О маме с папой я мало что помнила. И воспоминания были смутными, словно проглядывали сквозь запотевшее стекло. Если я закрывала глаза в тишине, мне удавалось увидеть их расплыв-

чатые лица, смотревшие на меня откуда-то сверху. Когда родители умерли, мне было пять. Их любовь — одна из немногих вещей, которые я помнила с детства, и именно ее мне не хватало больше всего.

— Очень красивое имя. Ника... — Миссис Миллиган перекатывала имя во рту, словно пробовала его на вкус. — Ника, — наконец сказала она утвердительно и мягко кивнула сама себе. Потом снова посмотрела мне в лицо, и я почувствовала, что вспыхнула от смущения. Моя кожа как будто зазолотилась, словно я могла засиять лишь от ответного взгляда — для кого-то это пустяк, но не для меня.

Мы продолжали гулять по коридорам Склепа. Она спросила, давно ли я живу здесь. С раннего детства, ответила я, можно сказать, выросла в этом приюте. Погода стояла хорошая, мы вышли в сад и пошли вдоль шпалер с плющом.

— А что ты там делала, когда я тебя увидела? — поинтересовалась она, указывая на дальний уголок сада, где расцвел дикий вереск. Мои глаза метнулись к тому месту, и не зная почему, я почувствовала желание спрятать руки. «Будь посерьезнее!» — промелькнуло в голове наставление миссис Фридж.

— Я люблю гулять на свежем воздухе, — медленно сказала я, — мне нравятся... существа, которые там живут.

— Здесь водятся животные? — спросила миссис Миллиган немало удивленно, и я поняла, что непонятно выразилась.

— Да, очень маленькие, — неопределенно ответила я, широко шагнув, чтобы не наступить на сверчка, — часто мы даже не видим их.

Я слегка покраснела, встретившись с ней взглядом, но Анна не стала ничего уточнять. Мы молча постояли в тишине, нарушаемой лишь щебетом соек и шепотом детей, которые наблюдали за нами из окна.

Анна сообщила, что скоро приедет ее муж, чтобы познакомиться со мной. От этих слов стало так легко, мне показалось, что я могу летать. На обратном пути я думала о том, как было бы здорово закупорить радостные ощущения в бутылку и сохранить их навсегда. Или спрятать их в наволочку и наблюдать в ночном сумраке, как они сияют, словно перламутр. Я давно не чувствовала себя такой счастливой.

— Джин, Росс, не бегайте! — шутливо-строго сказала я, когда двое детишек проскользнули между нами, задев меня. Они захихикали и помчались вверх по скрипучим ступенькам старой лестницы.

Повернувшись к миссис Миллиган, я поняла, что та за мной наблюдает. Теперь она рассматривала мои радужки, и на ее лице отразилось что-то похожее на... восхищение.

— У тебя очень красивые глаза, Ника, — сказала она вдруг, — ты об этом знаешь?

От смущения у меня аж защипало щеки, и я поняла, что не могу произнести ни слова.

— Хотя, наверное, ты уже много раз это слышала, — шутливым тоном продолжала она, но правда заключалась в том, что никто в Склепе никогда не говорил мне ничего подобного.

Младшие дети наивно спрашивали, вижу ли я мир в цвете, как другие. Они считали, что у меня глаза «цвета плачущего неба», потому что мои радужки были серыми, но на редкость светлыми и в крапинках, отчего казались необычными. Да, многим мои глаза представлялись странными, но никто не говорил, что считает их красивыми. От комплимента миссис Миллиган мои пальцы задрожали.

— Я... нет... но спасибо, — неловко пробормотала я, и она улыбнулась. Тайком ущипнув себя за ладонь, я страшно обрадовалась, когда почувствовала слабую боль.

Значит, это не сон. Все происходит в реальности. Эта женщина действительно стояла передо мной. Она олицетворяла собой семью, жизнь, которую можно начать заново за пределами Склепа.

Я всегда думала, что заперта в этих стенах надолго, я не могла уйти отсюда, пока мне не исполнится девятнадцать и по законам штата Алабама я не стану совершеннолетней. Но, получается, теперь мне не нужно ждать совершеннолетия и больше не нужно молиться, чтобы кто-нибудь пришел и забрал меня...

— Что там такое? — вдруг спросила миссис Миллиган. Она запрокинула голову и взволнованно оглянулась. Я тоже слышала красивую мелодию. Сквозь потрескавшиеся и облупившиеся стены здания прорывались вибрации гармоничных и глубоких нот.

По Склепу разливалась ангельская музыка — завораживающая, как песня сирены, и я почувствовала, как нервы внутри меня стягиваются в узел.

Миссис Миллиган, замороженная, пошла на звук, а мне лишь оставалось в оцепенении следовать за ней. Она подошла к арке, что вела в гостиную, и остановилась. Она замерла, глядя на источник этого невидимого чуда — старое фортепиано, облезлое и немного расстроенное, но которое, несмотря ни на что, еще играло. А еще она смотрела на руки... на бледные руки с тонкими запястьями, которые плавно и изящно скользили по клавишам.

— Кто? — воскликнула миссис Миллиган через мгновение. — Кто этот мальчик?

Я спрятала кулаки в складках платья, пытаюсь справиться с оцепенением. Музыка смолкла. Не спеша, как будто все предвидел и уже обо всем знал, исполнитель повернулся.

Колыхнулась шапка волос, густых и черных, как вороново крыло. Тонко очерченный овал бледного лица, резные губы, миндалевидные жгучие глаза чернее угля... Ох уж это его убийственное очарование, оно, конечно же, сразило и миссис Миллиган, которая молча стояла рядом со мной, околдованная красотой его тонко выточенного лица. Мальчик невозмутимо смотрел на нас через плечо, несколько прядей упало на высокие скулы, глаза чуть блестя. И, хоть я и была на взводе, клянусь, успела заметить его усмешку.

— Это Ригель.

Жить в семье — это то, о чем я всегда мечтала. Молилась, чтобы появился тот, кто захочет забрать меня с собой и даст мне шанс, которого у меня никогда не было.

Все это слишком хорошо, чтобы быть правдой, думала я и тщетно пыталась отогнать от себя эту мысль.

— Ты как, нормально? — спросила Анна, сидевшая рядом со мной на заднем сиденье.

— Да, — выдавила я, натягивая улыбку, — отлично.

Я сцепила руки в замок и вжала их в колени, но она этого не заметила. Время от времени она обращалась ко мне, указывая на что-то за окном. Но я едва ее слушала. Украдкой я посматривала на отражение в лобовом стекле. Рядом с водительским сиденьем, которое занимал мистер Миллиган, над подголовником торчала копна черных волос. Он без интереса смотрел в окно, опершись локтем об дверцу и подперев щеку кулаком.

— А вон там река, — сказала Анна, но его черные глаза не смотрели, куда она указывала. Зрачки под темными ресницами почти не двигались. Затем резко, как будто почувствовав что-то, они вперились прямо в меня.

Под его пронзительным взглядом я быстро опустила голову. И снова стала слушать Анну, часто моргая и кивая с улыбкой, но при этом чувствуя, как его взгляд держит меня под прицелом.

Через несколько часов машина замедлила ход и свернула в затененный деревьями городской квартал. Дом Миллиганов был кирпичным, как и многие другие по соседству. На белом штaketнике висел почтовый ящик, во дворе среди гардений торчал флюгер-мельница.

В маленьком саду за домом я заметила абрикосовое дерево и, вытянув шею от любопытства, попыталась получше рассмотреть этот зеленый уголок.

— Тяжелая? — спросил мистер Миллиган, когда я вынула из багажника картонную коробку со своими пожитками. — Помочь тебе?

Я покачала головой, тронутая его добротой, и он пропустил нас вперед.

— Проходите здесь. Дорожка немного разбита. Осторожно, там плитка торчит! Вы проголодались? Хотите чего-нибудь перекусить?

— Пусть сначала положат вещи, — сказала Анна.

Смутившись, мистер Миллиган поправил очки на носу.

— О, конечно, конечно... Вы, наверное, устали? Входите...

Он открыл дверь. У порога лежал коврик с надписью «Дом», и в это мгновение я почувствовала, как бешено застучало мое сердце. Анна склонила голову набок и ласково произнесла:

— Ника, заходи скорее.

Я перешагнула порог и оказалась в узкой прихожей. Первое, что меня поразило, — запах. Не влажный запах плесени, проступающей сквозь штукатурку на потолках в Склепе. Нет, этот запах приятный, густой, почти... родной. В нем было что-то особенное, и я поняла, что тем же ароматом веяло от Анны.

С жадным любопытством я оглядела прихожую. Слегка потертые обои, на стенах кое-где пустые рамки; у двери на столике салфетка, на ней — миска для ключей. Во всем этом чувствовалось

что-то настолько личное, что я на мгновение замерла на пороге, не в силах шагнуть вперед.

— Тут у нас не слишком просторно, — смущенно почесывая затылок, сказал мистер Миллиган, но я не могла с ним согласиться.

Боже, это... идеальный дом.

— Ваши комнаты наверху.

Анна стала подниматься по узкой лестнице, и я, воспользовавшись моментом, украдкой взглянула на Ригеля. Он держал свою коробку двумя руками и осматривался, слегка опустив голову, его лицо не выражало никаких эмоций.

— Клаус! — позвал мистер Миллиган, ища кого-то. — Куда он опять залез?

Я слышала, как он вышел из дома, а мы поднялись на второй этаж.

Нам с Ригелем отвели две свободные комнаты.

— Раньше здесь располагалась вторая гостиная, — сказала Анна, открывая дверь комнаты, которая должна теперь стать моей. — Потом мы сделали из нее гостевую. На случай если кто-то из друзей... — Она запнулась на полуфразе, зажмурилась и улыбнулась. — Неважно... Теперь она твоя. Посмотри, нравится? Если захочешь что-то здесь поменять или переставить мебель, то пожалуйста...

— Нет... — прошептала я, стоя на пороге комнаты, которую наконец-то могла считать своей.

Больше никаких общих комнат и жалюзи, разрезающих на полосы утренний свет! Теперь я не буду ходить по холодному пыльному полу, не стану смотреть на мышинового цвета серые стены.

Передо мной предстала скромная маленькая комнатка с красивым паркетным полом и высоким зеркалом в раме из кованого железа в дальнем углу. В открытое окно дул ветерок и мягко колыхал льняные занавески, на пурпурном покрывале белела стопка чистейшего постельного белья — не удержавшись, я пощупала уголок простыни, подойдя к кровати с коробкой под мышкой. А когда Анна ушла, я нагнулась и, закрыв глаза, глубоко вдохнула свежий, пьянящий запах белья.

Как же здесь хорошо!

Я долго осматривалась, не в силах осознать, что теперь у меня есть личное пространство. Потом поставила коробку на комод, открыла ее и пошарила по дну. Достала куколку-гусеницу, уже силь-